

СТРАНИЦА АСПИРАНТА

УДК 94.47

DOI 10.26456/vthistory/2026.2.130

«Городская память»: концепции формирования общественного восприятия городских пространств через историю, символы, места и мифы ¹

Е.В. Колесников

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»,
Нижний Новгород, Россия

Настоящая статья представляет собой попытку концептуального анализа отдельных методологических подходов и направлений естественных и гуманитарных наук применительно к предметному полю исследований городской памяти, а также непосредственно к вопросам о механизмах символизации городского пространства, возможных конфигурациях соотношения «человек – город – историческая (культурная) память». В частности, в статье рассматриваются теоретические положения концепции культурного ландшафта, средового подхода урбанистики, семиотики Ю.М. Лотмана, иных отечественных и зарубежных культурологических и исторических теорий. На основе анализа их положений в контексте проблематики исследований городской памяти предполагается существование своеобразного онтологического треугольника, на углах которого зафиксированы такие категории, как человек, городское пространство, а также историческое и культурное наследие.

Ключевые слова: *городская память, историческая память, культурная память, символизация городского пространства, мемориальная проблематика города.*

Изучение городской памяти является относительно новым, междисциплинарным по своей сути и методологии направлением исследований общественных наук, связанным как непосредственно с исследованиями исторической и культурной памяти в русле *memory studies*, так и городскими исследованиями (*urban studies*), расположившимся на стыке истории, социологии, культурной антропологии, урбанистики, архитектуры и культуры повседневности. Ключевым понятиями и основными носителями субъект-объектных ролей здесь являются непосредственно сам человек (как житель го-

¹ Научный руководитель: канд. ист. наук, доцент кафедры восточных языков и лингвокультурологии ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» А.М. Абидулин.

рода и потребитель среды, а вместе с этим как носитель определенного историко-культурного мифа), группы и сообщества людей, городское пространство, а также объекты исторического и культурного наследия (так называемые места памяти).

В данном контексте суть отношений человека, наследия и городского пространства в целом, существующих между ними связей, в том числе через призму разнообразных методологических и концептуальных подходов и направлений, может стать ключом к пониманию механизмов репрезентации и символизации исторической памяти в городском ландшафте, а также к пониманию особенностей восприятия человеком отдельных объектов культурного и социального ландшафта в качестве мест и пространств памяти.

Так, ряд зарубежных и российских исследователей предпринимает попытки разрешения рассматриваемой проблематики, а именно вопросов символизации городского пространства, обращаясь к области естественнонаучного знания и прежде всего к географии, в рамках которой в XX в. активно развивается концепция культурного ландшафта. Справедливо будет отметить, что данная концепция, как и рассматриваемый вопрос в целом, имеет междисциплинарную природу – она формируется на стыке географии и социогуманитарного знания.

Что же включает в себя данное понятие и концепция в целом? В работе «Культурный ландшафт как объект наследия» авторства Ю.А. Веденина и М.Е. Кулешовой мы находим следующее определение: культурный ландшафт представляет собой «не просто результат сотворчества человека и природы, но также целенаправленно и целесообразно формируемый природно-культурный территориальный комплекс, который обладает структурной, морфологической и функциональной целостностью и развивается в конкретных физико-географических и культурно-исторических условиях. Его компоненты образуют определенные характерные сочетания и находятся в определенной взаимосвязи и взаимообусловленности»². Данное определение представлено здесь не случайно. Оно сформулировано в рамках так называемого информационно-аксиологического подхода (один из трех подходов в рамках культурологического направления) к рассмотрению концепции культурного ландшафта. Его ценность в рамках настоящей статьи заключается в акцентировании взаимообусловленности социокультурной, исторической и хозяйственной действительности³. Кроме того, принципы, сформулированные Ю.А. Ведениным и М.Е. Кулешовой, соотносятся с

² Культурный ландшафт как объект наследия / под ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой. М.: СПб., 2004. С. 13.

³ Шишкина А.А. Культурный ландшафт: основные концепции // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2011. № 1 (21). С. 153–154.

определением понятия «культурный ландшафт», закреплённым в официальных документах ЮНЕСКО, а именно Руководством по выполнению Конвенции об охране всемирного наследия⁴.

Так, в рамках гуманитарных наук понятие «культурный ландшафт» включает в себя не только непосредственно географические и иные физические характеристики пространства, но также выявляет и указывает на его черты и возможные свойства как памятника истории, культуры или природы, а также, что не менее важно, на его системную организацию. Последняя характеристика кажется особенно важной.

Стоит отметить, что понятие «ландшафт», являющееся более широким и воспринимающееся в массе как неотъемлемое целое естественных и технических наук, довольно широко используется в гуманитарных исследованиях. Оно вошло в научный аппарат культурологии, культурной антропологии, истории и других наук, где рассматривается прежде всего в качестве своеобразного вместилища знаковой системы. Кроме того, в социогуманитарных науках и, в частности, в культурной антропологии существует отдельная интерпретация ландшафтов «как реализующих определённый доминирующий смысл конфигураций их символически значимых элементов, проявляющих в себе властные или гендерные отношения, а также соотношение сакрального и профанного»⁵.

Концептуализация данного подхода является важной ступенью в исследованиях возможных связей ландшафта с категориями социального, а также с формированием идентичности. Таким образом, категория «ландшафт» в широком смысле может интерпретироваться в качестве своеобразной проекции существующих в локальном сообществе смыслов, воспроизводимого из поколения в поколение исторического и культурного мифа на определенное пространство.

Российские исследователи И.А. Вальдман и Е.И. Красильникова, в том числе опираясь на исследование Э. Соджа «Постмодернистские географии: переутверждение пространства в критической социальной теории» («Postmodern Geographies: The Reassertion of Space in Critical Social Theory»), приходят к выводу о том, что в свое время именно специалисты в области географии обратили внимание историков на возможность и важность интерпретации пространственных категорий (в том числе категории «ландшафта») в качестве гетерогенных систем, предполагающих возможность одновременного существования следов и результатов – существования того, что физически не может существовать в одном и том же времени в рамках одного и того же места⁶.

⁴ Руководство по выполнению Конвенции об охране всемирного наследия [Электронный ресурс]. URL: <https://culture.gov.ru/upload/iblock/fe8/fe8a41ae12af1d0b6baa54c23e61b1c1.pdf> (дата обращения 05.12.2025).

⁵ Вальдман И.А., Красильникова Е.И. Феномен мемориального пространства города: основные подходы к изучению // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2021. Т. 10. № 3А. С. 139.

⁶ Там же. С. 139.

Таким образом, сегодня пространство в общепринятом понимании раскрывается историками как среда формирования и развития экономических, политических, общественно-культурных и иных процессов. Применительно же к исследованиям мемориальной проблематики локальных пространств, например, городской среды, большее внимание уделяется уже упомянутой выше характеристике системности. В этой связи кажется целесообразным обратиться (вслед за И.А. Вальдманом и Е.И. Красильниковой) к работам российского культуролога Д.Н. Замятина. Несмотря на культурологическую специфику его изысканий, формулируемые им положения вполне актуальны и в рамках исторических исследований.

Так, для обозначения категории пространства Д.Н. Замятин оперирует понятиями «культурный ландшафт» и «образ территории», рассматривая их как систему взаимосвязанных и взаимодействующих между собой знаков и символов, архетипов и стереотипов. Д.Н. Замятин также допускает возможность целенаправленного конструирования образа территории, определяя основанием и главным ресурсом формирования специфики территории локальное историческое наследие.

В статье «Образ наследия в культуре: методологические подходы к изучению понятия «наследие» Д.Н. Замятин предлагает следующее определение: «Наследие – образ, выполняющий не только специфические защитные культурные функции или же функции идеологического подкрепления в ходе формирования новой традиции; он явно связывает разные культуры – чаще всего разновременные, разделенные в историческом времени веками и тысячелетиями, а иногда разделенные и в географическом пространстве»⁷.

Кроме того, Д.Н. Замятин обращает внимание на включенность исторического наследия в более общие упорядочивающие структуры, а именно в историческую и культурную память⁸. В основе последней лежат механизмы воспроизводства, коммеморативные практики, пронизывающие все сферы жизни человека начиная от повседневности и заканчивая «ритуальными» действиями⁹. Работа вышеуказанных механизмов во многом определяет избирательный характер исторической и культурной памяти, в рамках которой наследие, согласно теоретику, «пребывает» как «потенциальная возможность».

Д.Н. Замятин отмечает: «... образ наследия возникает в культуре лишь там и тогда, где и когда появляется онтологическая необходимость сжать,

⁷ Замятин Д.Н. Образ наследия в культуре: методологические подходы к изучению понятия «Наследие» // Этнографическое обозрение. 2008. № 6. С. 123.

⁸ Вальдман И.А., Красильникова Е.И. Указ. соч. С. 140.

⁹ Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004; Мегилл А. Историческая эпистемология. М., 2007; Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2. [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html> (дата обращения: 15.11.2025); Хаттон П.Х. История как искусство памяти. Санкт-Петербург, 2004; Рюзен Й. Кризис, травма и идентичность // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания / отв. ред. Л.П. Репина. М., 2005. С. 38–63.

«упаковать», сохранить и даже «растянуть» как можно дольше почитаемое и уважаемое прошлое и его видимые и ощущаемые здесь и сейчас признаки... актуализируемый и «мобилизуемый» образ наследия упорядочивает и оформляет культурную память, «очищает» ее от ненужных воспоминаний и переживаний, «несвоевременных» культурных аллюзий и одновременно выстраивает ментальные планы и последовательности, приоритеты в оценке различных культурных памятников и ценностей»¹⁰.

Таким образом, обращаясь к концепту исторической и культурной памяти, понятиям «культурный ландшафт», «образ территории», Д.Н. Замятин предпринимает попытку раскрыть механизмы включения наследия (исторического и культурного) в систему социального воспроизводства в границах локальной территории, а также определить социальную значимость мемориального пространства в этой системе.

Здесь становится заметным некоторое пересечение видения образа наследия Д.Н. Замятиным с концепцией мест памяти П. Нора, в основе которой лежит идея угасания «живой традиции» памятования (места памяти как «останки»). В этом ключе и образы наследия, и места памяти выступают в качестве «упорядочивающих» и «поддерживающих» память символических элементов (структур, объектов).

Возвращаясь к идеям Д.Н. Замятина, нельзя не отметить, что наследие и его потенциальные пространственные локализации трактуются им все же достаточно обобщенно и не связываются с коммеморативными практиками, а также с какой-либо иной деятельностью, связанной с интенцией сохранения, увековечивания и трансляции памяти. В этом во многом заключается ограниченность концепции, предлагаемой Д.Н. Замятиным, а равно и «географического подхода» в целом в контексте исследований исторической памяти и мест памяти. Тем не менее, заслуга гуманитарной географии в целом очевидна: она эффективно проявляет существующие связи между человеком и пространством.

Город, как и любое другое пространство локального проживания человека, обладает своей спецификой. Заметный вклад в теоретическое и практическое осмысление последней, а также в исследования, связанные с взаимодействием человека и городской среды, вносят специалисты в области градостроительства и архитектуры. В этой связи выделяется так называемый средовой подход урбанистики, объединяющий в себе градостроительные, социальные и психологические аспекты изучения города и городского пространства.

Одним из крупнейших представителей подхода является теоретик урбанистики К. Линч, достаточно широко исследующий и раскрывающий в своих теоретических трудах (наиболее известная работа «Образ города» («The Image of the City»)) специфику городского пространства и связанных с ней явлений. В целом представителями средового подхода урбанистики предлагается использование понятия «городская среда» для обозначения

¹⁰ Замятин Д.Н. Указ. соч. С. 124.

особого уровня или этапа развития города, характеризующегося не только сложившейся определенным образом системой организации физических объектов среды, но также предполагающего существование и включение в эту систему духовной составляющей, под которой, в первую очередь, подразумевается городская культура¹¹.

В рамках данного подхода российскими и зарубежными исследователями также особое внимание уделяется субъективному восприятию человеком городского пространства с учетом изменчивости последнего¹². Важно подчеркнуть, что данное свойство, а именно изменчивость, в полной мере справедливо и для мемориального пространства, являющегося частью городской среды.

Продолжая поиски возможных методологических и концептуальных решений вопроса о механизмах символизации исторической памяти в городском пространстве, вновь обратимся к научному аппарату культурной антропологии. Как замечено ранее, в её рамках категория «пространство» рассматривается в качестве вместилища системы локального историко-культурного конструкта. На основе научного аппарата и методологии культурной антропологии исследователями предпринимаются попытки выявления взаимообусловленностей ландшафта и категорий социального, а также с формированием идентичности. В этой связи интересным представляется следующее наблюдение. И.А. Вальдман и Е.И. Красильникова замечают, что в большинстве случаев культурная антропология имеет дело не с индивидуальной идентичностью, а с «культурной формой» идентичности. Последняя связана с коллективными представлениями и соответствующими им образами социальных групп, с отождествлением человека с этими группами.

Гетерогенность структуры культурного пространства, в том числе, семиотическая и аксиологическая неоднородность «нагрузки» в различных его частях, определяет «структурно-функциональную неоднородность» пространства человеческой жизни¹³. Так, например, канадский психолог и специалист в области психогеографии К. Эллард предполагает существование в городском пространстве несколько категорий пространств: «места любви» (имеются в виду дома – пространства для проживания), «места страсти» (общественные пространства: парки, музеи и т. д.), «места скуки» (функциональная застройка), «места тревоги» (участки массового скопления людей) и «места благоговения» (мемориальные и религиозные сооружения). Согласно К. Элларду, каждому из этих мест в структуре города соответствует определенный тип опыта, что способствует формированию пространств различных конфигураций¹⁴.

¹¹ Вальдман И.А., Красильникова Е.И. Указ. соч. С. 140.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 141.

¹⁴ Эллард К. Среда обитания: как архитектура влияет на наше поведение и самочувствие / пер. с англ. М., 2015. С. 38–114, 141–145.

Схожие идеи высказывает и развивает в своих работах российский религиовед и философ С.С. Аванесов. Он полагает, что различные места и пространства способствуют формированию неодинаковых типов внутреннего состояния человека, а также напрямую влияют на стиль его поведения. Важная роль в этой связи отводится С.С. Аванесовым визуальной организации пространства (в первую очередь города). Она фиксирует существующие в обществе смыслы, ценности, исторические и культурные мифы, оказывает воздействие на психоэмоциональную сферу человека, вызывая те или иные реакции. Структура и общее устройство визуальной организации пространства оказывает влияние на жизненную стратегию человека в целом, его повседневную активность, а также предписывает определенные нормы и ориентиры. Так, С.С. Аванесов тяготеет к пониманию городского пространства как антропологического феномена, а не физического: представляет собой визуально структурированную среду коммуникативных практик¹⁵.

Необходимо отдельно сказать о восприятии человека в работах С.С. Аванесова. Он предлагает рассматривать человека как «историческое существо», становление которого происходит «во времени». Экстраполируя данный принцип на категорию пространства, С.С. Аванесов также включается в рассуждения о роли и значении категории «время» в пространстве города. Так, например, в статье «Городское пространство как антропологический феномен» он отмечает: «Городская среда соответствует человеку...: она хронически подвижна, она тоже несет в себе и визуально демонстрирует свою историчность. В культурном пространстве города различными способами репрезентировано историческое время. Более того, город... есть наглядный образ примирения времени с пространством. Город демонстрирует совмещение в едином пространстве разновременных явлений. Здесь пространство выступает в качестве способа упорядочения времени: в городском пространстве каждому времени истории города находится свое место. Город формируется как визуальная автобиография городского сообщества в его истории; в нормально функционирующем городе эта история не только актуальна, но и перспективна, открыта в будущее. В противном случае... биография города легко может превратиться в его некролог»¹⁶.

Здесь вполне закономерным становится следующий вопрос: каким же образом человек, является он жителем города или просто туристом, а также общество в целом воспринимают и осознают город через призму его прошлого? Этот вопрос так или иначе адресует нас к исследованиям исторической памяти и, в частности, к проекту П. Нора «Места памяти»¹⁷ как своеобразной концептуальной основе. Подробный анализ идей, развиваемых П. Нора в рамках данной статьи, кажется избыточным, но тем не менее обозначить ключевые аспекты понимания теоретиком исторической памяти и непосредственно концепта мест памяти считаю необходимым.

¹⁵ Аванесов С.С. Городское пространство как антропологический феномен // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2018. Вып. 2 (16). С. 17.

¹⁶ Там же. С. 20.

¹⁷ Нора П. Франция-память / пер. с фр. Д. Хапаевой. СПб., 1999.

Так, историческая память и, в частности, концепт мест памяти, предлагаемый П. Нора, в значительной степени оторваны от пространственного (географического или даже туристического) восприятия и понимания категории «место». В широком смысле места памяти определяются теоретиком как значимое в рамках того или иного сообщества единство материального и символического, которое с течением времени или (а как правило, и) в результате деятельности человека и общества трансформировалось в культурные смыслы, «символические элементы наследия». В этом ключе места памяти выступают в качестве трансляторов напластований смыслов, сформированных разными поколениями и социальными группами.

Отметим, что указанные выше напластования могут включать в себя противоречивые и даже взаимоисключающие смыслы, что объясняется, в свою очередь, тем, что различные социальные группы, представители разных поколений могут обращаться к одним и тем же местам памяти для конструирования собственной идентичности.

Эти и другие идеи П. Нора способствовали появлению целого ряда отдельных работ, раскрывающих примеры исторической динамики смыслового и символического содержания мест памяти. Вместе с этим достаточно немногочисленными остаются исследования, посвященные анализу мемориального пространства городов и отдельных регионов, а также существующих в их рамках систем символов и смыслов¹⁸. Обращение к данной исследовательской проблематике предполагает учёт исторической перспективы, в том числе факта активности разных поколений людей, проживающих на исследуемой территории, а также влияния внутренних и внешних факторов – политических, экономических, социальных и других.

В этом ключе выделяются научные изыскания немецкого историка Ш. Бергера, посвященные, в частности, проблематике индустриального наследия промышленных городов Рупа. Так, в работе «Constructing Industrial Pasts: Heritage, Historical Culture and Identity in Regions Undergoing Structural Economic Transformation» он выявляет и подвергает анализу существующие связи между укоренившимися в отношении индустриального прошлого региона коммеморативными практиками и процессами переосмысления жителями данной местности исторической роли их индустриального прошлого, его значимости для будущего региона¹⁹.

Размышляя о формировании мемориального ландшафта, Ш. Бергер широко использует понятие «агенты памяти» («memory agents»). Последнее, согласно историку, включает в себя определенную совокупность акторов, к которым относятся государственные органы, в том числе региональные и местные власти, музеи, промышленные предприятия и профсоюзы, бизнес-структуры, инициативы снизу и т. д. Указанные акторы и ряд других состав-

¹⁸ Вальдман И.А., Красильникова Е.И. Указ. соч. С. 142.

¹⁹ Constructing Industrial Pasts. Heritage, Historical Culture and Identity in Regions Undergoing Structural Economic Transformation / ed. S. Berger. Oxford, 2019.

ляют «сеть активистов памяти», деятельность которой в целом или отдельных ее частей может способствовать как сохранению и воспроизводству образов наследия и исторической памяти в существующих социальных практиках, так и забвению ряда элементов мозаики прошлого²⁰.

Важно отметить, что Ш. Бергером на передний план выводится роль политического и экономического факторов, в контексте которых интерпретации прошлого используются в целях формирования образов будущего. Вместе с этим в контексте деятельности указанных выше акторов, историком отмечается опасность коммодификации наследия (превращение в товар), в том числе в результате реализации проектов брендинга региона, а также потери идентичности как ее результата²¹.

В целом Ш. Бергер, используя пример городов Рура, наглядно демонстрирует механизмы превращения остатков прошлого, ценность и актуальность которых утрачивается или уже утрачена для локального сообщества, в наследие, которое обладает потенциалом, чтобы занять важное место в культурном ландшафте региона и его городов, служить фундаментом для построения локальной идентичности.

Отличным примером отечественных работ, посвящённых вопросам исследований мемориального пространства города, являются научные труды Н.Г. Федотовой (Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого). В статьях и исследованиях она изучает мемориальный ландшафт, коммеморативные практики, а также ключевые аспекты культурной и исторической памяти Великого Новгорода²². Исследования Н.Г. Федотовой также представляют особую методологическую значимость в части оформления и введения в научный оборот достаточно широкой классификации мест культурной памяти.

Наконец, рассмотрение вопроса о механизмах символизации исторической памяти в городском пространстве, особенностях восприятия наследия, мест и пространств памяти не может быть полным без обращения к семиотике и семиотическому подходу. В этом ключе особый интерес представляет отношение Ю.М. Лотмана к вопросам, связанным с осмыслением городского пространства, в том числе в аспекте мемориальной проблематики. Идеи Ю.М. Лотмана представляются особенно ценными в части формирования представления о возможных механизмах и проявлениях взаимосвязи «человек – город».

Представляя город как сложный семиотический механизм, Ю.М. Лотман рассматривает его как своеобразный «котел» гетерогенных текстов. Он

²⁰ Там же.

²¹ Constructing Industrial Pasts...

²² Федотова Н.Г. Культурная память города: концептуальный анализ // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. 2018. № 3 (15); Она же. Места памяти города: концепт и типология // Ярославский педагогический вестник. 2023. № 6(135). С. 204–213; Она же. Визуальные носители культурной памяти города (на примере Великого Новгорода) // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2019. № 2(20). С. 42–62.

отмечает: «Реализуя стыковку различных национальных, социальных, стилевых кодов и текстов, город осуществляет разнообразные гибридизации, перекодировки, семиотические переводы, которые превращают его в мощный генератор новой информации. Источником таких семиотических коллизий является не только синхронное соположение разнородных семиотических образований, но и диахрония: архитектурные сооружения, городские обряды и церемонии, сам план города, наименования улиц и тысячи других реликтов прошедших эпох выступают как кодовые программы, постоянно заново генерирующие тексты исторического прошлого. Город – механизм, постоянно заново рождающий свое прошлое, которое получает возможность сопологаться с настоящим как бы синхронно. В этом отношении город, как и культура, – механизм, противостоящий времени»²³.

В части вопроса о соотношении «человек – город» Ю.М. Лотман полагает, что человек, погружаясь и существуя какое-то время в определённом культурном пространстве, неизбежно создаёт вокруг себя специфичную среду с характерной организацией и структурой. Эта среда включает в себя идейные представления, знаковые модели и, что кажется наиболее важным, «воссоздаёт деятельность» этого человека. Ю.М. Лотман фактически говорит о существовании прямых связей между человеком и городом: создаваемая человеком среда копирует пространственный образ универсума, и вместе с этим образ универсума строится по аналогии с создаваемой человеком окружающей обстановкой²⁴.

Таким образом, город и среда в целом представлены в работах Ю.М. Лотмана в виде сложного семиотического механизма, находящегося в постоянном движении. Он подчеркивает: «... город... все время не равен сам себе»²⁵. Согласно теоретику, среда (пространство), формируемая деятельностью человека, активно включена в механизмы становления и развития историко-культурного мировоззрения, привычек и психологии человека, погруженного в неё. Вместе с этим следует заметить, что активность человека, направленная на устройство или использование среды, следуя идеям Ю.М. Лотмана, исходит от общества в целом, но обратное воздействие среда оказывает на отдельную личность.

Таким образом, на сегодняшний день мы можем говорить об оформлении специфической терминологии исследований, посвященной вопросам символизации городского пространства и мемориальной проблематики города в целом, восприятию наследия, исторической и культурной памяти человеком в контексте городской среды. Рассмотренные в рамках настоящей статьи подходы, лежащие в их основе представления, несмотря на концептуальные и методологические различия, без сомнений, имеют точки сопри-

²³ Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2000. С. 325.

²⁴ Там же. С. 334.

²⁵ Лотман Ю.М. Город и время // Метафизика Петербурга. Петербургские чтения по теории истории и философии культуры. Выпуск первый / отв. ред. Л. Морева. СПб., 1993. С. 84.

косновения, которые впоследствии могут стать общей платформой формирования единого понятийного аппарата, концептуализации универсальной методологии исследований. В итоге при рассмотрении вопроса о механизмах символизации городского пространства становится заметно формирование своеобразного онтологического треугольника, на углах которого располагаются такие категории, как человек, городское пространство и непосредственно историческая и культурная память (наследие). Они обусловлены и взаимоопределяются друг другом. Рассмотренные в настоящей статье подходы и концепции в достаточной степени раскрывают суть отношений человека и города, но вместе с этим дают лишь приблизительное представление о возможных механизмах репрезентации исторической памяти в городском пространстве, специфики диалога человека, наследия, исторической и культурной памяти в условиях города.

Список литературы:

1. Аванесов С.С. Городское пространство как антропологический феномен // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2018. Вып. 2 (16). С. 10–31.
2. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. Москва, 2004. – 368 с.
3. Вальдман И.А., Красильникова Е.И. Феномен мемориального пространства города: основные подходы к изучению // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2021. Т. 10. № 3А. С. 137–146.
4. Замятин Д.Н. Образ наследия в культуре: методологические подходы к изучению понятия «Наследие» // Этнографическое обозрение. 2008. № 6. С. 121–130.
5. Лотман Ю.М. Семиосфера. Санкт-Петербург, 2000. – 704 с.
6. Лотман Ю.М. Город и время // Метафизика Петербурга. Петербургские чтения по теории истории и философии культуры. Выпуск первый / отв. ред. Л. Морева. Санкт-Петербург, 1993. С. 84–92.
7. Мегилл А. Историческая эпистемология. Москва, 2007. – 480 с.
8. Нора П. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок ; пер. с фр. Д. Хапаевой. Санкт-Петербург, 1999. – 382 с.
9. Рюзен Й. Кризис, травма и идентичность // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания / отв. ред. Л.П. Репина. Москва, 2005. С. 38–63.
10. Федотова Н.Г. Культурная память города: концептуальный анализ // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. 2018. № 3 (15).
11. Федотова Н.Г. Места памяти города: концепт и типология // Ярославский педагогический вестник. 2023. № 6 (135). С. 204–213.
12. Федотова Н.Г. Визуальные носители культурной памяти города (на примере Великого Новгорода) // ПРАКСЕМА. ПРОБЛЕМЫ ВИЗУАЛЬНОЙ СЕМИОТИКИ. 2019. № 2 (20). С. 42–62.

13. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. №2. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-ramyat.html> (дата обращения: 15.11.2025).
14. Хаттон П.Х. История как искусство памяти. Санкт-Петербург, 2004. 424 с.
15. Шишкина А.А. Культурный ландшафт: основные концепции // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2011. № 1 (21). С. 151–157.
16. Эллард К. Среда обитания: как архитектура влияет на наше поведение и самочувствие. – «Альпина Диджитал», 2015. – 167 с.

Об авторе:

КОЛЕСНИКОВ Егор Владимирович – аспирант, кафедра зарубежного регионоведения и локальной истории, Институт международных отношений и мировой истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, (603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23), e-mail: kev@unn.ru

**«Urban Memory»: Concepts for Shaping Public Perceptions
of Urban Spaces through History, Symbols, Places, and Myths**

E.V. Kolesnikov

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russia

This article presents a conceptual analysis of various methodological approaches in the natural and human sciences as applied to urban memory research, as well as some questions about the mechanisms of symbolizing urban space and possible configurations of the «person-city-historical (cultural) memory» relationships. Specifically, it examines some fundamentals of the concept of cultural landscape, the environmental approach of urban studies, Yuri Lotman's semiotics, and other Russian and international cultural and historical theories. Based on an analysis of these fundamentals in the context of urban memory, this article suggests the existence of a kind of an ontological triangle, at the «corners» of which such categories as man, urban space, and historical and cultural heritage are fixed.

Keywords: *urban memory, historical memory, cultural memory, symbolization of urban space, memorial issues of the city.*

About the author:

KOLESNIKOV Egor Vladimirovich – postgraduate student, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod, 603022), e-mail: kev@unn.ru

References:

- Avanesov S.S. *Gorodskoe prostranstvo kak antropologicheskii fenomen* // ПРАΞΗΜΑ. Problemy vizual'noi semiotiki. 2018. Vyp. 2 (16). S. 10–31.
- Assman Ya. *Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti*. Moskva, 2004. – 368 s.
- Val'dman I.A., Krasil'nikova E.I. *Fenomen memorial'nogo prostranstva goroda: osnovnye podkhody k izucheniyu* // Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke. 2021. T. 10. № 3A. S. 137–146.
- Zamyatin D.N. *Obraz naslediya v kul'ture: metodologicheskie podkhody k izucheniyu ponyatiya «Nasledie»* // Etnograficheskoe obozrenie. 2008. № 6. S. 121–130.
- Lotman Yu.M. *Semiosfera*. Sankt-Peterburg, 2000. – 704 s.
- Lotman Yu.M. *Gorod i vremya* // Metafizika Peterburga. Peterburgskie chteniya po teorii istorii i filosofii kul'tury. Vypusk pervyi / otv. red. L. Moreva. Sankt-Peterburg, 1993. S. 84–92.
- Megill A. *Istoricheskaya epistemologiya*. Moskva, 2007. – 480 s.
- Nora P. *Frantsiya-pamyat'* / P. Nora, M. Ozuf, Zh. de Pyuimezh, M. Vinok ; per. s fr. D. Khapaevoi. Sankt-Peterburg, 1999. – 382 s.
- Rukovodstvo po vypolneniyu Konventsii ob okhrane vseмирного naslediya* [Elektronnyi resurs]. URL: <https://culture.gov.ru/upload/iblock/fe8/fe8a41ae12af1d0b6baa54c23e61b1c1.pdf> (data obrashcheniya: 05.12.2025).
- Ryuzen I. *Krizis, travma i identichnost'* // «Tsep' vremen»: problemy istoricheskogo soznaniya / otv. red. L.P. Repina. Moskva, 2005. S. 38–63.
- Fedotova N.G. *Kul'turnaya pamyat' goroda: kontseptual'nyi analiz* // Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yaroslava Mudrogo. 2018. № 3 (15).
- Fedotova N.G. *Mesta pamyati goroda: kontsept i tipologiya* // Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik. 2023. № 6 (135). S. 204–213.
- Fedotova N.G. *Vizual'nye nositeli kul'turnoi pamyati goroda (na primere Velikogo Novgoroda)* // PRAKSEMA. PROBLEMY VIZUAL'NOI SEMIOTIKI. 2019. № 2 (20). S. 42–62.
- Khal'bvaks M. *Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat'* // Neprikosnovennyi zapas. 2005. № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html> (data obrashcheniya: 15.11.2025).
- Khatton P.Kh. *Istoriya kak iskusstvo pamyati*. Sankt-Peterburg, 2004. – 424 s.
- Shishkina A.A. *Kul'turnyi landshaft: osnovnye kontseptsii* // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya Sotsial'nye nauki. 2011. № 1 (21). S. 151–157.
- Ellard K. *Sreda obitaniya: kak arkhitektura vliyaet na nashe povedenie i samochuvstvie*. «Al'pina Didzhital», 2015. – 167 s.

Статья поступила в редакцию 20.03.2026 г.

Подписана в печать 29.06.2026 г.